

Глава 10

Рано утром Цзи Хуайчжэнь проснулся на «собачьей» подстилке Яньчи.

Ещё вчера он громче всех возмущался, твердя, что ни за что не станет спать в такой тесноте, прижавшись к другому человеку. Однако среди ночи, томимый неуголённым желанием, мужчина сам перебрался на пол и провёл там остаток времени до рассвета.

Яньчи нигде не было видно. Уходя, он заботливо подоткнул Хуайчжэню края одеяла, но стоило тому шевельнуться, как наружу вырвался запах — смесь пота и излитого семени. Этот аромат дурманил голову, пробуждая новую волну желания.

Хуайчжэнь с сожалением облизнул губы.

«Было бы славно, окажись Яньчи сейчас рядом»

В дверь постучали.

— Господин.

Это была Бай Сюэ.

Хуайчжэнь наскоро набросил одежду и уселся на постель, позволив помощнице войти и прислуживать ему. Только сейчас он обнаружил, что сзади всё припухло, и поморщился от саднящей боли. Он в сердцах пнул подстилку Яньчи, вымещая досаду.

Бай Сюэ, едва переступив порог, едва не выскочила обратно — настолько тяжёлый дух стоял в комнате. Взглянув на полный разгром, царивший и на кровати, и на полу, она даже бровью не повела — привыкла. Тот развалился на ложе и с невозмутимым видом заставил её разминать ему поясницу и ноги.

— Что с указом? — спросил он, прикрыв глаза.

— Докладываю господину: Фэньчжоу — городок захолустный, но и здесь нашлись те, кто узнал почерк. Опасаясь лишнего внимания, я разослала людей по соседним поселениям. Указ разделили по паре-тройке иероглифов на каждого знатока. Думаю, через неделю всё будет готово.

Это не стало для него неожиданностью. Напротив, если бы всё прошло гладко, он бы только заподозрил неладное.

Хуайчжэнь кивнул. Он расспросил об указе, затем о Шанцзине, о Лу Ши, о сестре Цзи Ванься и даже о том странном даосе Лу Сяоцзя. Наконец, когда горло совсем пересохло и спрашивать было больше не о чем, мужчина неохотно приоткрыл один глаз и как бы невзначай бросил:

— А он где?

Бай Сюэ прикинулась дурочкой:

— О ком это вы, господин?

Хуайчжэнь процедил сквозь зубы:

— Я спрашиваю, куда этот паршивец делся ни свет ни заря.

Обычно те, кому доводилось делить постель с Цзи Хуайчжэнем, после не хотели уходить, стараясь угодить ему всеми силами. Сам Хуайчжэнь привык первым натягивать штаны и исчезать. С такой нелепицей — проснуться и не обнаружить любовника рядом — он столкнулся впервые.

— А, он... Ушёл спозаранку, я как раз его встретила, — Бай Сюэ едва сдерживала смех. Она знала, что Яньчи парень застенчивый, а её господин ещё не наигрался, поэтому решила довести дело до конца. Утром она велела слугам, слышавшим ночной шум, вести себя так, будто ничего не случилось. Но стоило ей договорить, как из комнаты вышел Яньчи. Услышав её слова, он так смутился, что тут же юркнул обратно за дверь.

Лишь спустя время он снова высунул голову, робко назвал её «сестрицей Бай» и спросил, где поблизости продают рисовые лепешки с красной фасолью.

Хуайчжэнь, выслушав это, нахмурился:

— Зачем ему эта дрянь? Они же липкие и приторно сладкие.

Бай Сюэ состроила многозначительную мину:

— В былые времена матушки в публичных домах готовили такое для тех, кто впервые познал вкус близости... для «байфан».

Мужчина на миг замер, затем издал короткий смешок, но больше ничего не сказал.

В этот момент вернулся Яньчи, и Бай Сюэ тактично удалилась.

— Купил?

Увидев, как юноша прижимает к груди сверток, словно величайшее сокровище, Хуайчжэнь снова ощутил укол беспричинной злости. Неужели этот «первый раз» с Лу Ши так глубоко запал парню в душу?

Яньчи не понимал, почему тот опять не в духе, и просто протянул ему кусочек лакомства.

После проведённой вместе ночи даже взгляд его изменился. В каждом жесте, в каждом движении теперь чувствовалась иная близость. Он сдержал порыв оттолкнуть его руку и, подчинившись, проглотил липкую сладость прямо из пальцев Яньчи.

Юноша присел рядом, погружённый в какие-то свои думы. Он тоже съел кусочек, медленно смакуя его, и в глубине его глаз читалось явное наслаждение — он явно заново проживал мгновения прошедшей ночи.

Хуайчжэнь ни на грош не верил, что обычная фасолева лепешка может вызвать такой мечтательный вид.

Яньчи мельком взглянул на него и тут же отвёл взор, прошептав:

— Всё ещё болит? Ты вчера так сильно в меня вцеплялся...

Хуайчжэнь обхватил его за шею, притягивая к себе, и юноша послушно обнял его, позволяя опереться на своё плечо. Хуайчжэнь хотел было подразнить его, отпустить какую-нибудь колкость, но в этом искреннем объятии все слова застряли в горле. Он молча разглядывал Яньчи, думая о том, что страсть — самая мощная сила, способная изменить человека. Всего за одну ночь этот человек преобразился до неузнаваемости. Юношеская робость ещё осталась, но в ней проступила зрелая уверенность. Теперь он походил на волка — верного своей паре и беспощадного к врагам.

Чувства всегда отражаются в глазах. Яньчи смотрел на него с такой нежностью, что Хуайчжэню на мгновение стало не по себе.

— О чём ты шептал мне вчера? — спросил он.

Он имел в виду те мгновения, когда они уже выбились из сил после их возни на полу.

Тогда он был настолько измотан, что не нашёл в себе сил даже доползти до кровати. Забыв о брезгливости, он навалился на Яньчи и уснул. В полузабытьи он чувствовал, как тот осыпал его поцелуями и в чём-то горячо клялся. Тогда он принял это за обычные любовные бредни, но теперь, на трезвую голову, всё виделось иначе.

— Ты не слышал? Ну и ладно, — Яньчи уклонился от ответа.

Хуайчжэнь был слишком рассеян, чтобы настаивать.

Юноша, искренне заботясь о нём (вернее, о том, кого он видел в нём), сам обмывал Хуайчжэня и кормил его, хоть и делал это крайне неумело. Видно было, что в прошлом он был сыном богатого рода и никогда не занимался подобным трудом.

Он в одиночку притащил два огромных чана с горячей водой. Сидя в воде, Хуайчжэнь перехватил его запястье и с недоброй искоркой в глазах произнёс:

— Дай-ка погляжу, на месте ли твоя киноварь целомудрия.

Яньчи не удостоил его ответом, понимая, что тот просто издевается. Высвободив руку, он внезапно спросил:

— Сколько ещё дней мы пробудем в Фэньчжоу? Когда уедем, направимся сразу в Чилэчуань?

Впервые за всё время Яньчи сам начал расспрашивать о делах, и впервые в его словах сквозил явный расчёт. Вот только хитрить он совершенно не умел — смотрел преданно, боясь, что Хуайчжэнь, получив желаемое, просто бросит его здесь.

— А куда бы ты хотел, чтобы я отправился? — он не собирался давать прямой ответ.

Яньчи замолчал. Спустя долгое время он глухо произнёс:

— Я знаю, ты занят важными делами. Но чтобы попасть в Чилэчуань из Ци, нужно ехать на север, через Цзиньшуй и Гунчжоу, а там сейчас идут бои. Чтобы миновать эти земли, остаётся только путь через Вэньян, прямо через горы Цаньфу. Вэньян — мой родной дом, я знаю там каждую тропку и любую перемену погоды. Возьми меня с собой, я пригожусь. Делай что должен, я не стану вмешиваться, только позволь мне быть рядом.

Это была самая длинная речь, которую он когда-либо произносил при Хуайчжэне.

За последние дни Хуайчжэнь засмотрел карту до дыр. Названные места давно отпечатались в его памяти, и он знал, что Яньчи говорит правду. Более того, он и сам подумывал изменить маршрут и пойти через горы Цаньфу.

Изначально он планировал после Фэньчжоу пройти через область Гунчжоу. Там стояли войска Великой Ци, и хотя татарские налётчики часто тревожили границы, там было относительно безопасно. Дороги патрулировались, а гонцы сновали повсюду — это был кратчайший путь к землям ижунцев.

Но об этом плане знал Лу Ши, знал Первый принц и знал Цзи Тинъе.

Стоило врагам прознать о его передвижении, как путь превратился бы в смертельную ловушку.

— Скажи мне вот что, — решил испытать его Хуайчжэнь. — Если мы пойдём через Цанью, как ты предлагаешь, то через месяц наступит зима. Через те горы даже ижунцы не всегда рискуют переправляться. Сколько людей из моего отряда не дойдёт до конца?

Яньчи задумался:

— Если пойдём на восток от Вэньяна, там низины, и холода не такие суровые. У подножия гор много деревень, там можно заночевать. К тому же... ты путешествуешь слишком пышно, это привлекает лишнее внимание.

Этот взгляд, полный немого укора, угодил в самую цель. В его душе снова шевельнулось желание — на этот раз почти искреннее — оставить Яньчи при себе. Будь этот парень влюблён в него самого, а не в Лу Ши, из него вышел бы отличный спутник.

Но судьба распорядилась иначе.

В таких делах Цзи Хуайчжэнь никогда не давал воли чувствам. Он был расчетлив и даже жесток: плоть — это плоть, а сердце — это сердце. Каким бы умелым ни был Яньчи в постели, он не позволил бы водить себя за нос тому, кто грезит о другом.

Оставить мальчишке жизнь после всего — уже была великая милость. К этому моменту Цзи твёрдо решил: парень хорошо знает Вэньян, поэтому стоит подержать его рядом ещё несколько дней, вывести всё необходимое и насладиться его телом. А когда нужда в нём отпадёт — вышвырнуть вон.

Или даже...

Если он действительно воспользуется его советом и пойдёт через Цанью, Яньчи придётся убить. Мёртвые не болтают, а это самая надёжная гарантия.

Юноша видел лишь пристальный взгляд Хуайчжэня, не подозревая, что тот в мыслях уже приговорил его к смерти.

Раздался плеск воды. Хуайчжэнь, не заботясь о том, что с него течёт ручьями, поднялся и прижался к Яньчи, лениво велел отнести себя на кровать.

Яньчи уложил его на ложе и с раздражением спросил:

— Так ты ответишь? Позволишь мне следовать за тобой?

Вместо ответа Хуайчжэнь принялся расстёгивать его одежду, явно намереваясь предаться плотским утехам среди бела дня. Юноша понял, что тот намеренно тянет время. Разозлившись, он вцепился в свои одежды, не давая их снять.

Хуайчжэнь не спешил. Он лишь смотрел на него с той самой загадочной улыбкой, которую было невозможно разгадать. Терпения ему было не занимать.

Спустя минуту Яньчи, как и следовало ожидать, сдался.

Искренность всегда проигрывает расчёту.

Он обречённо разжал руки, навалился на Хуайчжэня и внезапно произнёс:

— Я никогда не понимаю, о чём ты думаешь. Иногда ты смеёшься, но глаза твои остаются холодными. Иногда хвалишь меня, но я кожей чувствую, как ты втайне ругаешь меня за глупость. Даже вчера... даже в такие минуты ты словно был не здесь. Я не могу указывать тебе, что делать. Я просто хочу быть рядом. Неужели это так много?

Яньчи украдкой взглянул на него.

Хуайчжэнь лишь усмехнулся, и юноша поник ещё сильнее. Наконец, он услышал ответ:

— Неужто и впрямь так сильно меня любишь?

Он наконец сменил гнев на милость, решив подыграть, хоть в его словах и не было ни капли правды.

Яньчи серьёзно кивнул.

— Любишь Лу Шии?

Снова кивок.

Хуайчжэнь едва не задохнулся от ярости. Какое везение у этого Лу Шии! Ничего не сделал, а его так преданно любят. Почему все блага мира всегда достаются ему? Род, положение, знания — всё это было у него с рождения. Цзи Хуайчжэню же пришлось пробивать себе путь лбом, топтать чужие кости и захлебываться в кровавых слезах, чтобы получить хоть крупицу того же. У них похожие лица, но другого все превозносят, а Хуайчжэня каждый норовит пнуть или плюнуть вслед.

Даже эта искренняя любовь, это признание — всё предназначалось не ему.

— Что ж, тогда решено. Позволяю тебе следовать за твоим обожаемым господином Лу.

Он тихо рассмеялся, прильнув к самому уху Яньчи. В его глазах не было и тени нежности — лишь холодная злоба.

Яньчи замер:

— Правда?

— Правда.

— Тогда договорились... — Его глаза почему-то подозрительно заблестели. Глядя на Хуайчжэня, юноша внезапно заговорил, сбиваясь от волнения: — Мой... мой отец... он плохо обходился с матерью. Я... я никогда не стану таким, как он. Теперь у меня есть только ты. Ты не представляешь, как долго я ждал этого дня.

Хуайчжэнь старательно изображал внимание, но внутри лишь цинично усмехался.

«Жди-жди, до следующей жизни»

Яньчи хотел сказать что-то ещё, но внезапно изменился в лице и резко вскинул голову, глядя на потолок. Снаружи послышался шум — это Бай Сюэ с людьми бросилась в погоню.

Цзи не успел даже опомниться, как Яньчи набросил на него одеяло, ловко выхватил кинжал, который Хуайчжэнь прятал под подушкой, и одним прыжком выскочил на подоконник. Спустя миг юноша уже был на крыше.

Цзи Хуайчжэнь изменился в лице, обнаружив пустоту под подушкой.

«Он всё это время знал»

<http://bllate.org/book/15318/1371371>